

Пазухин Алексей Михайлович

Ландыши

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Ландыши / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 135 с.

ISBN 978-5-521-27068-2

Содержание: Ландыши; Неудача на даче; Из-за предрассудков; День сюрпризов; Не туда попал; Пять тысяч выиграли; Вот и ярмарка близко!...; Невыгорело!.. "В Эрмитаже"; В гробовой лавке; Приезд учителя; Порешили кабак закрыть; Елка

ISBN 978-5-521-27068-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ными ручками Вѣрочки, и каждый день она бывала въ маленькомъ домикѣ, оглашая его комнаты пѣніемъ, звонкимъ смѣхомъ и игрой на роялѣ.... Вечеромъ, поэтическимъ весеннимъ вечеромъ, когда луна всплывала на небѣ и ароматы деревьевъ и цвѣтовъ наполняли воздухъ, они гуляли.

Закутавъ плечики невѣсты пледомъ, Петръ Степанычъ шелъ съ нею подъ руку по глухимъ тропинкамъ роши и говорилъ ей пылкія, страстныя рѣчи...

Онъ умѣлъ говорить; еще въ пору его профессорства въ одномъ изъ южныхъ университетовъ студенты приходили въ восторгъ отъ его рѣчей.

Любовь, дружба, трудъ, счастье у домашняго очага были темами его разговоровъ съ нею, и она слушала, слушала его слова и съ жаромъжимала ему руку.

— Мой милый, дорогой, я буду тебя любить, я съумѣю устроить тебѣ счастье! говорила она.

— Я старъ, Вѣрочка; мнѣ болѣе сорока лѣтъ, ты годишься мнѣ въ дочери, но я смѣю думать, что это не мѣшаетъ тебѣ любить меня... Важны не годы, важно умѣнье сохранить свое сердце, дорогая моя!...

— Есть и юноши съ сердцемъ черствымъ, холоднымъ, есть и сорокалѣтніе люди, сохранившіе въ себѣ жаръ молодости!...

Я старъ... Мои сѣдины
 Бѣлѣ свѣга той вершины,
 Но и подъ свѣгомъ иногда
 Бѣжитъ кипучая вода!...

И это правда, моя дорогая!...

Она цѣловала его въ отвѣтъ и, смѣясь, называла
 «старикомъ», «дѣдомъ», «папкой»...

Онъ былъ счастливъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ они нашли лужайку, всю покрытую цвѣтущими ландышами.

— Ахъ какая прелесть! воскликнула Вѣрочка.—
 Это мои любимые цвѣты; Пьеръ, и мы часто будемъ ходить сюда. Не правда ли? Каждый день будемъ ходить, пока цвѣтутъ ландыши!... Да?

— Хорошо, мой другъ... А не лучше ли намъ сегодня, напримѣръ, нарвать ихъ побольше, чтобы опять придти дня черезъ два?

— О, нѣтъ, милый! Во-первыхъ они въ два дня завянутъ, а во-вторыхъ я люблю ландыши именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они растутъ: тутъ они особенно свѣжи, особенно душисты. Нѣтъ, мы будемъ ходить каждый день!

Петръ Степановичъ улыбнулся.

— Немножко далеко это, милая... Твоимъ-то ножкамъ это пустяки, а у меня вотъ ревматизмъ, у, какой сердитый!

— Ну, какой ты лѣнтяй, папка! надула губки Вѣрочка.

— Не сердитесь, не сердитесь — будемъ ходить! Для молоденькой невѣсты надо ужъ забыть о существованіи ревматизма.... Ха, ха, ха!

Вѣрочка посмотрѣла на своего жениха.

— Прости меня, Пьеръ! сказала она. — Я право забыла, что ты... что тебѣ не всегда пріятно и удобно ходить по рощамъ: ты...

— Старикъ?

— Нѣтъ!... Тебѣ иногда пріятнѣе читать, писать, да, наконецъ, просто нѣтъ желанія бѣгать со мной, Богъ знаетъ куда!... Прости меня, дорогой мой, я гадкая эгоистка!

Вѣрочка пожала руку жениха.

— Полно, милая, ты ничѣмъ не провинилась! Очень естественное желаніе у дѣвушки въ твои годы побѣгать, погулять, подышать воздухомъ, и я съ охотой буду твоимъ спутникомъ, я и самъ люблю гулять; ну, а когда у меня ужъ совершенно нѣтъ охоты, или я захочу позаняться — то гуляй одна, или вотъ съ этимъ студентомъ, который живетъ по сосѣдству... Какъ его? Да — Коринъ; онъ, кажется, юноша умный, веселый, съ нимъ не будетъ скучно.

— Ужъ черезъ чуръ веселый, я такихъ не люблю... Да это все равно, Пьеръ, я могу обходиться и безъ прогулокъ; буду читать побольше, занимать-

ся, а то я слишкомъ облѣнилась, представь—книгу, которую ты далъ мнѣ, я еще не начинала!

— Зимой поработаемъ, Вѣрочка, а теперь нужно гулять... Ну, давай собирать твои ландыши.

Навязавъ по большому букету цвѣтовъ, женихъ съ неvěстой отправились домой.

Погода испортилась. Голубое ясное небо заволокло тучами, пошли дожди, потомъ холодно такъ стало; прогулки прекратились и замѣнились вечерами на дачѣ. Пѣли, играли, читали. Студентъ Коринъ, веселый юноша, съ ясными голубыми глазами, съ звучнымъ голосомъ, вѣчно веселый, вѣчно безпечный, былъ душой общества на этихъ вечерахъ. Онъ пѣлъ русскія пѣсни, игралъ на гитарѣ, смѣшилъ анекдотами, сыпалъ остроты.

Женихъ, захандрившій было благодаря ненастной погодѣ, былъ очень доволенъ имъ и, въ полной увѣренности, что молодая неvěста не будетъ скучать, уходилъ къ своимъ книгамъ, писалъ, работалъ.

Такъ прошла цѣлая недѣля.

Загребинъ втянулся въ работу и наступившую ясную погоду встрѣтилъ нѣсколько враждебно, какъ помѣху.

— Вѣрочка, вѣдь ты не скучала эту недѣлю? спросилъ онъ неvěсту.

— Напротивъ, милый, я отлично провела ее; а что?

— Ты и теперь также не обращай вниманія на твоего вахлака-жениха: гуляй, катайся, бѣгай, а я иногда и позасяду въ кабинетъ. Ничего?

— Мнѣ, Пьеръ, конечно пріятнѣе съ тобой, но я, дорогой мой, не хочу ничѣмъ стѣснять тебя!

— А твоя любимая полянка съ ландышами? Одной туда ходить неловко, а ты хотѣла бывать тамъ каждый день...

— Могу и не каждый... А то я буду ходить иногда съ Кориннымъ.

— Отлично, мой другъ!

Такъ и порѣшили женихъ съ невестой.

Увлечшійся какой-то новой работой, Петръ Степановичъ иногда засиживался у себя болѣе, чѣмъ до половины дня, забывая, что онъ вечеромъ обѣщалъ Вѣрочкѣ идти въ рощу. Вѣрочка прибѣгала къ нему.

— Гадкій, обманщикъ! сердито кричала она, вбѣгая въ кабинетъ. — Обѣщалъ непременно придти утромъ и до сихъ поръ его нѣтъ! У, домосѣдъ! Вотъ я выброшу всѣ эти ваши книги и бумаги, вы и будете знать!... Пойдемте обѣдать...

Загребинъ, смѣясь, извинялся и отдавалъ себя, въ наказаніе за проступокъ, въ полное распоряженіе на весь вечеръ, обѣщая ходить куда прика-

жуть, дѣлать что захотятъ, и даже не думать о книгахъ. Проводивъ затѣмъ вечеръ съ невѣстой, отдохнувъ отъ труда въ ея миломъ обществѣ, Петръ Степановичъ утромъ опять увлекался работой и на приглашеніе идти за ландышами комично морщилъ брови.

— А нельзя на сегодня безъ ландышей? улыбаясь, спрашивалъ онъ. — Вотъ тутъ статья очень интересная, и статья-то ученика моего — очень бы хотѣлось прочесть... Да и далеко эти ландыши, Богъ съ ними!

— Лѣнтяй! говорила Вѣрочка. — Такъ и быть, читайте, но вечеромъ вы непременно должны идти гулять со мной въ рощу и далеко, далеко!

— Хоть на край свѣта! шутилъ Загребинъ и, цѣлуя ручки невѣсты, выпроваживалъ ее изъ кабинета и усаживался за работу.

Видя, что Вѣрочка не скучаетъ, видя, что громадные букеты любимыхъ ею ландышей каждый день появляются у ней на окнахъ, Петръ Степановичъ безмятежно просиживалъ въ своемъ кабинетѣ цѣлые дни, а тутъ еще ученое общество, котораго онъ состоялъ членомъ, прислало ему повѣстку о засѣданіи и просило приготовить рефератъ, такъ что и вечера иногда уходили на работу.

Подымаясь утромъ съ постели послѣ ночи, проведенной за письменнымъ столомъ, Петръ Степа-

новичъ смотрѣлъ изъ своей комнаты на окно невѣсты и, видя новые букеты ландышей, говорилъ: гуляла ужъ сегодня моя дорогая, значить я могу и позаняться, — и посылалъ Вѣрочкѣ записку.

«Ландыши у барышни уже есть, слѣдовательно она гуляла, а потому «вахлакъ» можетъ кончить свою работу? Конечно!... Вторую половину Іюня и весь Августъ, даю честное слово, не возьмусь за книгу и, вмѣсто отцвѣтшихъ тогда ландышей, буду по цѣлымъ днямъ собирать грибы и ягоды, а куда позволено мнѣ будетъ заняться *цвѣтами моего краснорѣчія*. До свиданья...»

Вѣрочка немного загрустила. Точно облачко на нее напало и затуманило вѣчно веселую, вѣчно смѣющуюся.

Если-бъ Петръ Степановичъ далъ себѣ трудъ понаблюдать за своей невѣстой, то онъ замѣтилъ бы въ ней перемѣну какую-то. Точно новая дума какая легла на ея открытое, веселое лицо; дума эта виднѣлась и въ глазахъ ея; глаза эти сдѣлались какъ-то глубже, сосредоточеннѣе. Даже характеръ дѣвушки точно измѣнился: не было той живости, игривости, не было того безпечно дѣтскаго элемента, который такъ нравился Загребину, но онъ, весь ушедшій въ свой рефератъ, ничего не замѣчалъ, да и видѣлъ онъ свою невѣсту послѣдніе дни рѣдко и не надолго.

Въ одно роскошное весеннее утро Петръ Степановичъ по обыкновенію взглянулъ на окно своей невѣсты. Букеты ландышей пожелтѣли и увяли.

— Сегодня не ходила гулять, подумалъ Загребинъ, и ему вдругъ сдѣлалось невыносимо грустно и жаль Вѣрочку. Онъ посмотрѣлъ на свой письменный столъ, на груды книгъ, на листы исписанной бумаги.

— Вотъ чѣмъ я живу!... А она, молодая, живая, съ жаждой жизни, заброшена мною... Имѣю ли я право такъ поступать?... Тамъ воздухъ, ландыши, птицы, тамъ сама жизнь, а тутъ наука, наука почтенная быть можетъ, но черствая, сухая... Имѣю ли я право засадить въ эту пыльную атмосферу молодую, рвущуюся къ свѣту и жизни дѣвушку?... Вѣдь это — «служить двумъ господамъ»... Но отчего же и не соединить одно съ другимъ?... Наука, трудъ, любовь... Пыльные фоліанты и букеты ландышей; старыя, старыя книги и молодая жена... Гмъ!...

Петръ Степановичъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Мать Вѣрочки сказала, что молодая дѣвушка ушла гулять уже довольно давно.

«Вѣроятно на свою любимую полянку», подумалъ Петръ Степановичъ. «Пойду туда, наберу ей ландышей и больше никогда не буду оставлять ее одну такъ надолго!»...

Пробираясь по глухой тропинкѣ рощи, Загребинъ думалъ невеселыя думы. Сердце щемило какой-то тоской; и даже роскошная погода этого утра не могла разсѣять невеселыхъ думъ этихъ.

А погода была хороша.

До полдня еще было далеко, и солнце не успѣло очень нагрѣть воздухъ; вѣяло прохладой; чуть-чуть замѣтный вѣтерокъ колыхалъ вершины одѣтыхъ молодой листвою березъ и доносилъ ароматъ цвѣтовъ и сочныхъ травъ. Въ густомъ кустарникѣ рощи накопившійся за ночь туманъ подымался легкимъ прозрачнымъ облачкомъ и какъ дымкой затягивалъ ярко зеленую траву, свѣтлую, влажную, душистую. Далеко, далеко кричала кукушка...

Опустивъ голову, покусывая кончикъ давно потухшей сигары, шелъ Петръ Степановичъ къ любимой полянкѣ за ландышами.

Вотъ и она, эта любимая полянка. Взялся Петръ Степановичъ рукой за кусты, окружающіе полянку, хотѣлъ развести ихъ и остановился...

На полянкѣ, съ букетомъ ландышей, сидѣла Вѣрочка, а передъ нею, склонивъ голову ей на колѣни и цѣлуя ея руку, сидѣлъ Коринъ...

До слуха Загребина ясно долетали звуки поцѣлуевъ, которыми покрывалъ Коринъ руки Вѣрочки. Долетѣли до него и слова:

— Я люблю васъ, Коринъ... Да, я васъ люблю,

но я принадлежу другому! говорила Вѣрочка: и, если вы честный человѣкъ — вы должны оставить меня... Я не хочу измѣнять слова, не хочу изломать жизнь этой измѣнной человѣку, котораго я уважаю!... Я уже виновата и тѣмъ, что позволила себѣ сблизиться съ вами и, сблизившись, полюбить... Уйдите, Коринъ, оставьте меня!...

— Но за что же вы загубите свою жизнь, связавъ ее съ нелюбимымъ человѣкомъ во имя какихъ-то призрачныхъ обязанностей? За что? Наконецъ, дадите ли вы и ему счастье, отдавшись не любя? Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы одумаетесь, и устроится наше взаимное счастье, моя дорогая...

Вѣрочка хотѣла что-то еще говорить, но Загребинъ не сталъ слушать и отошелъ.

Наклонившись, онъ сорвалъ нѣсколько цвѣтовъ ландышей и тихо, тихо побрелъ домой.

Такъ недавно народившееся счастье было, увы, погребено!

Въ этотъ же день Вѣрочка получила отъ Петра Степановича письмо.

«Дорогая моя Вѣра! писалъ онъ. У каждого человѣка есть время для счастья; не воспользовавшись этимъ временемъ, человѣкъ лишается и счастья. Я, вашъ бѣдный другъ, увы, потерялъ это время и путемъ раздумья дошелъ до сознанія, что брать счастье не во время и преступно, какъ кра-